

КИТАЙ, 1356 г.

На двадцать третьем году правления Тогон-Тэмур, пятнадцатого Великого Хана монгольской империи Великая Юань, монголы потерпели такое поражение от внутренних врагов, что утратили власть над южными окраинами.

Всего лишь год спустя южане-повстанцы, известные как «Красные повязки», оказались на грани уничтожения от рук грозных защитников Юани: монгольского вождя Эсень-Тэмур из Хэнани и его генерала-евнуха Оюана. Однако под руководством своего нового вождя, молодого монаха-расстриги Чжу Чонбы, «Красные повязки» не только уцелели, но и нанесли такой урон противнику, что войска Юани вынуждены были отступить.

Пока Эсень-Тэмур и генерал Оюан собирали силы, ища поддержки у влиятельного, верного Юани клана Чжанов — торговцев солью, которым принадлежало восточное морское побережье, — Чжу Чонба поднимался все выше в иерархии «Красных повязок». Там он обрел сторонников, названного брата Сюй Да и жену Ма Сюин, а также нажил врагов, в том числе и среди предводителей движения. Несмотря на внутренние разногласия, возрожденные и воодушевленные успехами в борьбе с Юанью «Красные повязки» брали один южный город за другим, и главным их триумфом стал захват бывшей императорской столицы — Бяньляна, что на границе северных и южных земель.

Эсень-Тэмур и генерал Оюан, пользуясь поддержкой семейства Чжанов, приняли решение вернуть Бяньлян под власть Юани. Однако, втайне от Эсень-Тэмюра, его неизменный спутник и друг заключил сделку с Чжанами. С помощью генерала Чжана и родного брата Эсень-Тэмюра, господина Вана Баосяна, евнух-предатель убил Эсень-Тэмюра в Бяньляне и встал во главе войска, объявив своей целью захват столицы и возмездие за смерть отца от рук Великого Хана.

Предательство генерала Оюана дало Чжу Чонбе возможность предать в свой черед. Он без всяких сожалений низложил Первого министра и Сияющего принца «Красных повязок» и сам возглавил повстанческое движение.

Чжу Чонба сделал своей новой столицей Интянь, расположенный на реке Янзцы. В придачу к титулу Сияющего Короля он принял императорское имя — Чжу Юаньчжан — и заявил, что обладает Небесным Мандатом.

Чжаны отреклись от Великой Юани и провозгласили свое богатое солью восточное побережье независимым царством со столицей в укрепленном Пинцзяне.

Последний, кто остался в живых из свергнутых предводителей «Красных повязок», утонченно-жестокый Чэнь Юлян, бежал от резни в Бяньляне и обосновался в Учане, выше по реке от земель Чжу Юаньчжана.

Господин Ван Баосян из Хэнани принял титул своего погибшего брата, Принца Хэнани, и заявил права на единоличное владение крупнейшим в Великой Юани поместьем, что прошло для многих незамеченным.

Такова была расстановка сил в мире на восемьдесят пятом году правления ханов, ведущих свой род от хана Хубилая, первого Великого Хана и императора-основателя вечной монгольской империи, Великой Юани.

ЧАСТЬ
ПЕРВАЯ

ГРАНИЦА ЗЕМЕЛЬ ЧЖУ ЮАНЬЧЖАНА
И КЛАНА ЧЖАНОВ
ВОСЬМОЙ МЕСЯЦ, 1356 г.

— Долгие раздумья тут совершенно излишни, — раздался женский голос из окна повозки, где колыхалась шелковая занавеска. — Что же вы медлите с ответом, Чжу Юаньчжан? Сбережем время...

Даже здесь, вдали от моря, равнина, на которую они взирали с вершины холма, вся искрилась солью. Словно сокровища царства, где правила женщина, сидящая в повозке, от избытка пересыпались через край. Южное лето горячим тигриным языком слизнуло мелкое озерцо, в иную погоду лежавшее на границе двух царств. Высоко над головами воинов волновались знамена, отбрасывая на равнину цветные блики. Желтые стяги повстанческой армии Сияющего Принца, зеленые — купеческого клана Чжан, который ранее служил империи Великая Юань, но этой весной отрекся от монгольских владык и захватил солеварни восточного побережья вместе с морскими торговыми путями.

Чжу Юаньчжан, чьи золотые царские доспехи и позолоченная деревянная рука спорили цветом с травой под копытами ее коня, наблюдала, как сходятся с подчеркнутой учтивостью два генерала. Их короткие по-

луденные тени полосовали соляную корку, крошащуюся под сапогами.

Со стороны казалось, что разница между ними невелика. Крылатые шлемы в наньжэньском стиле, пластинчатые доспехи. Полоски темной кожи впитывают солнце, а металлические нашивки на плечах в виде львиных голов, наоборот, — отражают свет, вспыхивая, точно сигнальные зеркала. Но для Чжу ее генерал — все равно что брат, пусть и не по крови. Даже с такого расстояния она бы их не перепутала. Вот Сюй Да — высоченный, и не скажешь, что монах, шагает широко и весело. Он напоминает юношу, стремящегося познать мир. А вот генерал Чжан. Он ниже ростом и уже в плечах, зато держится с достоинством человека, чей жизненный опыт равен опыту Чжу и Сюй Да, вместе взятых. Чжу имела возможность оценить, какую бурную деятельность он развил, когда его семья отреклась от Империи Юань. Всего за несколько месяцев он захватил все оставшиеся города к югу от Великого канала и перенес родовую столицу Чжанов в укрепленный Пинцзян на восточном берегу озера Тай. И теперь их царства разделяет лишь полоска равнины в излучине могучей реки Яньцзы, петляющей по пути к морю.

— Покоритесь мне, — попросила женщина за шелковой занавеской.

Голос у нее был с хрипотцой, низковатый, игривый. Таким бархатным голосом говорят за закрытыми дверями в спальне. В нем как будто таился намек: сейчас мы едва знакомы — но, может статься, узнаем друг друга поближе. Одна из тех уловок, которые действительны, лишь пока неясен скрытый под ними расчет. Чжу не только все понимала — она считала себя неуязвимой для плотских искушений. Однако проняло и ее. Любопытно. Ей никогда не приходило в голову, что женственность, которой она лишена, тоже может быть оружием. Стать мишенью — это для Чжу было

в новинку. Впечатляет и забавляет почти в одинаковой степени.

На равнине два генерала склонили головы в знак уважения, передали друг другу ультиматумы с требованием капитулировать и разошлись, оставляя за собой цепочки голубоватых следов.

Наконец Чжу обернулась к собеседнице.

— Приветствую высокочтимую Мадам Чжан.

— Вижу, вы пренебрегаете моим титулом, — заметила та не без лукавства.

— Как и вы — моим, — парировала Чжу. Обмен любезностями оживил ее. Упоение властью пополам с игрой бодрило ничуть не меньше, чем терпкая соль в воздухе, чем горячий вольный ветер, от которого трепетали знамена и бежали волны по травянистым склонам холмов. Она добавила в тон своей визави: — Ну, сдаваться, так уж настоящему владельцу титула... вашему царственному супругу. Я предпочла бы встретиться лицом к лицу с равным, а не беседовать с его почтенной женой сквозь завесу приличий.

Та делано рассмеялась:

— Не беспокойтесь, я сумею передать ваш ответ как положено. Мой супруг, может, и не блещет достоинствами, как говорят, но слабый мужчина в умелых руках жены — ее величайшая сила.

На шелке обозначилась тень — женщина подалась ближе. Понизив голос, она словно приглашала Чжу склониться с седла. Ощутить щекой ее дыхание, каждое движение губ, совсем близких, если бы не тончайшая преграда.

— Мне кажется, вы — сильный человек, Чжу Юаньчжан, но в слабой позиции. Какие у вас шансы против армии, превосходящей вашу? Против генерала, в котором признал равного даже юаньский генерал Оюан — а его боятся все... Сдавайтесь! Объединим силы под моей рукой. Не будем дожидаться, пока юаньцы двинут на нас войска с Первым Советником

во главе. Выступим против Даду вместе! Завоеюем столицу и трон. А когда мой муж станет императором, он дарует вам любой титул, на выбор. Кем желаете быть — князем, принцем?

Чжу сухо ответила:

— О, ну с таким-то титулом я точно войду в историю. Летописцы скажут, мол, великий был человек!

Она, как и Мадам Чжан, явилась в сопровождении воинов. Исключительно для проформы: переговоры — еще не битва. Впрочем, Чжу не питала иллюзий относительно своего положения. Ее пешее войско, состоявшее преимущественно из крестьян и бывших повстанцев, «Красных повязок», более чем вдвое уступало по численности хорошо снаряженному, профессиональному войску Чжанов. А за исключением столицы, Интяня, ни один из ее двенадцати южных городков не мог тягаться даже с самым бедным торговым городом из тех, что объединены каналами. Исход предполагаемой битвы был ясен. Чжу на месте Мадам Чжан тоже считала бы себя победителем и требовала сдачи.

Собеседница промурлыкала:

— Так вот чего вы хотите! Быть великим?

Ее тон был таким же плавным, как ласкающие движения пальцев по гладкой коже.

— Сдайтесь мне, и я все устрою...

Величия Чжу жаждала всю свою жизнь. Она четко осознавала, что никогда не пожелает ничего иного. Чжу выпрямилась в седле и посмотрела вдаль, на восток, где кончались владения Чжанов. Ветер дул ей в лицо, и от этого далекий песчаный горизонт вдруг приблизился и стал осязаемым, до боли реальным. Достижимым. Эта мысль наполнила Чжу невероятной радостью. Неподвижная, она словно бы воспарила над вершиной холма и испытала любопытное ощущение — перед ней предстал весь путь к ее будущему. С высоты орлиного полета было видно, что на

этой дороге нет настоящих препятствий — лишь мелкие ухабы, которые едва ли станут помехой на пути к цели.

В упоении она ответила безликой женщине за занавеской:

— Я не хочу быть великим.

И замолчала, смакуя молчание Мадам Чжан, пока та лихорадочно размышляла, в чем просчет, отчего Чжу не поддается искушению. Обрубок ныл в тисках деревянной руки. Но такова была цена ее мечты. И боль, и ежедневные тяготы однорукого человека в мире двуруких — Чжу хватит сил вынести все. Хватит сил вынести что угодно, сделать что угодно во имя мечты.

— Тогда... — начала Мадам Чжан.

— Я не хочу быть великим, — повторила Чжу.

Ее жажда не знала границ, сияла точно солнце, заполняла всю, с ног до головы. Разве дано кому-нибудь понять, что значит чувствовать с таким размахом, желать чего-то всем своим существом?!

— Я хочу быть величайшим.

Сверкающие вихри из кристалликов соли скользили по голой поверхности равнины. Соль, поддерживающая жизнь, в такой концентрации становилась губительной для живого организма.

— Понимаю, — отозвалась Мадам Чжан спустя мгновение. В ее кокетливости появился пренебрежительный оттенок. Чжу представилось, будто дверь в личные покои захлопнулась у нее перед носом. — Я забыла, как вы молоды. Юнцы всегда чересчур честолюбивы. Они еще не познали пределов своих возможностей.

Крашенные ногти постучали по внутреннему каркасу повозки: трогай! Когда повозка двинулась, Мадам Чжан произнесла:

— Мы еще встретимся. Но прежде позвольте сказать вам кое-что на правах старшей. Обратите свой взор на моего генерала там, внизу. Разве мало мир